

УДК 327.8

Дискурсивная сила во внешней политике Китая: интерпретация и продвижение инициативы «Один пояс – один путь»

С. К. Песцов

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, г. Владивосток

Аннотация. Одним из самых резонансных международных проектов последнего времени, несомненно, стала китайская инициатива «Один пояс – один путь» (OBOR). Возможность её успешного осуществления, признаются в Китае, во многом сопряжена не только с налаживанием общественных коммуникаций, но и необходимостью выстраивания соответствующего дискурса, позволяющего нейтрализовать ущерб со стороны ошибочных интерпретаций и вероятных негативных коннотаций. Соответственно, усилия, связанные с аранжировкой и продвижением OBOR как одного из самых масштабных внешнеполитических проектов Китая последнего времени, представляют полезный материал для понимания особенностей практического использования дискурсивной силы, одного из относительно мало исследованных инструментов в арсенале «мягкой силы» Китая.

Ключевые слова: «мягкая сила», дискурсивная сила, регионализм, региональная политика, Китай, стратегия.

Интерес, который в Китае вызвала концепция «мягкой силы» Дж. Ная, равно как и успехи Китая в её адаптации к потребностям своей внешней политики, отмечаются многими. Одной из достаточно очевидных иллюстраций этого может служить изобретение специального термина «наступление очарованием» (*charm offensive*) – в качестве определения стратегии использования ресурсов «мягкой силы», позволившей Китаю добиться ощутимых успехов в налаживании добрососедских отношений и продвижении позитивного имиджа на мировой арене [12]. Начало широкому обсуждению этой концепции было положено еще в 1993 г. выходом первой статьи на эту тему китайского ученого и партийного деятеля Ван Бунина [19]. Сегодня, несмотря на продолжающиеся дискуссии, значимость «мягкой силы» как одного из важнейших компонентов «всеобъемлющей национальной мощи» и действенного инструмента внешней политики страны мало у кого в академическом и политическом сообществе Китая вызывает сомнения [22]. «Мы никогда не должны недооценивать важность наращивания «мягкой силы», – подчеркивает в этой связи профессор Университета Ухань и депутат Всекитайского собрания народных представителей

(ВСНП) Дэн Фучунь (Peng Fuchun), – поскольку экономическое чудо является только одной стороной роста Китая в мире» [18]. «Расширение способности международной политической мобилизации Китая, – убежден декан Института современных международных отношений Университета Синьхуа Ян Сюэтунь, – требует изменения текущего восприятия внешней политики Китая международным сообществом. Китайская дипломатическая политика, сосредоточивающаяся на экономических выгодах, является опасной и вызывает опасения среди других наций» [27].

В ходе многочисленных дискуссий, продолжающих сопровождать эту концепцию, некоторые исследователи пришли к выводу о том, что в действительности можно говорить о нескольких видах «мягкой силы», различающихся в зависимости от целей, механизмов и инструментов её реализации и использования. В частности, речь можно вести, например, о «мягкой силе», нацеленной на привлечение, установление повестки или кооптацию. Или же, исходя из её целей, она может быть дифференцирована на ряд категорий, включая 1) «мягкую силу», способствующую улучшению внешней среды безопасности посредством коммуникации мирных и привлекательных имиджей страны; 2) «мягкую силу», направленную на мобилизацию поддержки внешней политики и безопасности другими странами; 3) «мягкую силу» манипулирования образом мышления и предпочтениями других стран; 4) «мягкую силу», призванную укреплять единство общества или сообщества стран, и 5) «мягкую силу», способствующую повышению рейтинга лидера или правительства [5; 16, р. 57–59]. В последнем случае мы имеем дело с одним из довольно слабо исследованных видов «мягкой силы» – так называемой дискурсивной силой, которая, как полагают некоторые исследователи, достаточно успешно используется во внешнеполитической практике Китая [8, р. 411–412]. Дискурсивная сила может быть определена как «производство необходимых эффектов посредством мобилизации сознательно конструируемых дискурсов или определенных коммуникативных событий в целом и вербального взаимодействия или использования языка в письменной или устной форме в частности» [8, р. 412; 21, р. 104]. Двумя основными её разновидностями выступают дискурсивная сила, нацеленная на сдерживание акторов, и дискурсивная сила, ориентированная на облегчение возможности действовать. Примером первого, считают некоторые исследователи, может служить использование правительством КНР дискурсов по военной истории и интерпретации прошлого в китайско-японских отношениях [8, р. 412–414]. Для понимания специфики второго варианта довольно любопытным и полезным является, на наш взгляд, кейс, связанный с усилиями по терминологической и смысловой аранжировке и продвижению инициативы «Один пояс – один путь» – одного из самых заметных внешнеполитических проектов Китая последнего времени.

Ни один из региональных проектов последнего времени не приобрел столь громкого звучания, не привлек столь широкого внимания и не вызвал такого количества разного рода комментариев, как инициатива «Пояса и пути», ставшая настоящим знаменем пятого поколения китайских лидеров во главе с Си Цзиньпином. В качестве инструментального проекта она является сред-

ством создания фундамента сообщества общей судьбы как стратегического ориентира новой периферийной дипломатии Китая и важного шага на пути достижения «цели двух столетий» [24, р. 325]. Отдельные элементы этого масштабного проекта были представлены в ходе визитов председателя КНР Си Цзиньпина и премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна в страны Центральной и Юго-Восточной Азии, начиная с осени 2013 г. Началом этого стали презентации Си Цзиньпином трех региональных сетей сотрудничества осенью 2013 г.: «Экономического пояса Шелкового пути с Центральной Азией», «Морского Шелкового пути с Юго-Восточной Азией» и «Южноазиатского экономического коридора», который соединит Китай с Бирмой, Бангладеш и Индией [1, р. 5]. «Экономического пояса Шелкового пути с Центральной Азией» был анонсирован Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. во время его визита в Казахстан, затем в апреле 2014 г. он представил данную идею более широкой аудитории в ходе своего европейского турне. Одновременно с этим, в рамках мероприятий, приуроченных к празднованию десятилетия установления стратегического партнерства Китай – АСЕАН, Ли Кэцян озвучил идею «Морского Шелкового пути XXI века» в качестве второго важного элемента будущей общей инициативы. В процессе последующих обсуждений в руководстве Китая был достигнут консенсус, интегрирующий эти и некоторые другие идеи в рамках единой инициативы, сначала получившей название «Один пояс – один путь» (One Belt – One Road Initiative – OBOR), которое позже трансформировалось в «Инициативу пояса и пути» («Belt and Road Initiative», или BRI). На Боаоском форуме в марте 2015 г. официально был обнародован документ «Видение и Программа действий по совместному созданию “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”», подготовленный совместно Национальной комиссией развития и реформ (NDRC), Министерством иностранных дел и Министерством торговли по разрешению Государственного совета КНР [29, р. 1].

Разного рода инфраструктурные и иные проекты, объединяемые OBOR, призваны не только надежно соединить Китай с его соседями и остальным миром, но и обеспечить физическую связанность региона, необходимую для его дальнейшего успешного развития [24, р. 315–324; 25]. Посредством выдвижения Инициативы Китай демонстрирует готовность взять на себя ведущую роль в этом процессе, в том числе содействуя повышению осознания другими странами преимуществ предлагаемого им «сообщества общей судьбы» (*community of common destiny*), с тем чтобы строительство последнего стало общей целью и согласованной работой [14]. По общему мнению китайских специалистов, OBOR в качестве практической программы регионального строительства представляет собой долгосрочный проект, реализация которого займет как минимум 30–40 лет. Весь этот период, как полагает сотрудник Института мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук Фэн Вэйцзянь, может быть разделен на несколько основных этапов. Первый из них – 2014–2016 гг. – это так называемый стратегический мобилизационный этап. Второй – с 2016 по 2021 г. – этап стратегического планирования, в течение которого Китай возьмет на себя инициативу по созданию координационных групп, включая группы по координации политики, по инфраструктуре,

энергетике и торговле и денежно-кредитную группу. Третьим станет этап реализации проектов, включенных в общую схему Инициативы [29, р. 9].

Презентация этого проекта международной общественности первыми лицами государства свидетельствовала как о значении, которое придается проекту, так и о стремлении представить его в «правильном» свете будущим потенциальным участникам и внешней аудитории в целом. Важность последнего обусловлена как минимум тремя серьезными проблемами. Первая связана с тем, что, несмотря на многочисленные усилия по корректировке имиджа и попытки убедить международное сообщество в «мирном росте» Китая, признают китайские эксперты и политики, страна по-прежнему сталкивается с подозрительным, а иногда даже враждебным к себе отношением. Более того, такого рода подозрения зачастую растут вместе с увеличением экономической мощи Китая. Это, по мнению китайских аналитиков, отчасти связано со все еще ограниченными возможностями Китая транслировать свой голос на международной арене и очевидной пристрастностью западных медиа [13, р. 65], что представляет собой еще одну серьезную проблему. И, наконец, третья проблема возникает в связи с возможной опасностью неверных интерпретаций смысла и целей конкретных внешнеполитических шагов Китая, в том числе и Инициативы OBOR. Её выдвижение, признают Ган Юньсян и Мао Янь из Университета Чжэцзян, привело к появлению множества критиков, утверждающих, что она представляет собой стратегию расширения влияния Китая как разновидности неокOLONиализма и, по сути, предвещает возвращение исторического геополитического соперничества [4]. Некоторые «иностранные аналитики, – отмечает в этой связи профессор Национальной школы развития Пекинского университета Хуан Ипинь, – обеспокоены тем, что страна экспортирует так называемую китайскую модель и ведет Азию в связанную с ним экономическую зону. Существует также обеспокоенность, что Китай нарушит международный экономический порядок, инвестируя за рубежом через Азиатский инфраструктурный инвестиционный банк (АИВ) и другие институты» [9]. В этой связи совсем не удивительно, что в «Голубой книге по нетрадиционной безопасности 2014–2015» в качестве одной из главных целей OBOR наряду с обеспечением национальной экономической безопасности, содействием энергетической безопасности и безопасности границ и иными задачами устанавливается «создание новой международной системы дискурса» и «нового порядка международной безопасности», которые укрепят всеобъемлющую национальную мощь и культурную «мягкую силу» Китая [7, р. 5]. Таким образом, коммуникация и диалог, по общему признанию, важны не только с точки зрения коррекции и исправления возможных «ошибочных восприятий» Инициативы, но и в конечном итоге с точки зрения её успешного осуществления. И потому к решению этой задачи должны подключаться не только китайские лидеры и дипломаты, но также медиа, «мозговые центры» и академическое сообщество [2].

Анализ предпринимаемых усилий, связанных с конструированием «правильного» дискурса OBOR, где Китай выступает как предоставляющий общественные блага своим соседям, а не использующий их в своих целях, позволяет выделить несколько взаимосвязанных тактических шагов. Они содержат:

1) меры по повышению авторитетности (значимости) проекта, 2) усилия по «национализации» предлагаемой идеи и 3) действия, предпринимаемые для «очистки» инициативы от нежелательных коннотаций. Последовательные усилия по повышению уровня значимости Инициативы как фактора, во многом определяющего вероятную степень и широту привлекаемого общественного внимания, включают не только форму её первоначальной презентации, но и явное и подразумеваемое акцентирование на ней как важной внешнеполитической инновации и концептуальном вкладе в стратегическое видение развития страны лично Си Цзиньпина и связанного с ним поколения китайских лидеров. Очевидным шагом, призванным подтвердить политическую значимость, придаваемую Инициативе, стало её включение в Решение Центрального комитета КПК по некоторым важным вопросам, касающимся всестороннего углубления реформы, принятое в ноябре 2013 г. Оно утвердило план «ускорения строительства инфраструктуры, связывающей Китай с соседними странами и регионами», и указало на «необходимость упорно трудиться над созданием «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути», с тем чтобы сформировать новый шаблон всесторонней открытости» [29, р. 2–3]. Наконец, еще одним доводом в пользу этого стал факт учреждения Центральной руководящей группы по строительству OBOR (Central Leading Group on the Construction of OBOR – CLGOBOR) в начале 2015 г. и утверждение Чжана Гаоли (Zhang Gaoli), седьмого по рангу члена Постоянного комитета Политбюро и первого вице-премьера Госсовета, её председателем. Ведущий советник трех генеральных секретарей ЦК КПК, член Политбюро и заведующий Центром политических исследований (изучения политики) при ЦК КПК Ван Хунин (Wang Huning) стал его заместителем с одновременным выполнением полномочий директора Генерального офиса Группы [23], что также должно свидетельствовать о повышении OBOR до уровня национальной стратегии.

Вторым важным направлением в аранжировке необходимого дискурса OBOR стали усилия по «национализации» самого концепта «Шелковый путь», его имиджевой переупаковке и содержательному наполнению. Проблема в данном случае заключается в том, что само понятие «Шелковый путь» (Silk Roads) стало широко известно с середины 1800-х гг. благодаря немецкому исследователю Фердинанду фон Рихтгофену, который в период между 1868 и 1872 гг. организовывал экспедиции в Китай [6, р. 141]. Уже в наши дни, в июле 2011 г., во время визита в Индию госсекретарь США Х. Клинтон выступила с проектом «Нового Шелкового пути», целью которого являлся подъем разрушенной экономики Афганистана путем интеграции этой страны в торговый коридор Север – Юг [15]. Неудивительно, что китайская сторона оказалась весьма обескураженной использованием этого термина в контексте политики США. По словам одного из китайских дипломатов, «когда США инициировали это, мы были опустошены. У нас были долгие бессонные ночи. И через два года президент Си предложил стратегическое видение нашей новой концепции Шелкового пути» [6, р. 141]. И поскольку эта концепция, по сути дела, представляла собой первую крупную попытку Китая разработки и осуществления собственной межконтинентальной коммерческой стратегии [11], акцентирова-

ние её эндогенности приобретало важное значение. Представление этой стратегии в виде «экономического пояса» уже на уровне терминологии должно было подчеркнуть её «национальную» идентичность, отличающуюся как от исторического Шелкового пути, который опирался на торговые инициативы стран за пределами Китая, так и от модернизированного американского проекта. Одновременно с этим «китайское» видение призваны также отличать существенная содержательная модификация (с акцентом на инфраструктуру вместо торговли) и пространственная переориентация (с направлением «восток – северо-запад» вместо «север – юг»). Дополнительным аргументом в этом случае выступают ссылки на глубокие «национальные корни» предлагаемой инициативы и её опору на ранее предпринимавшиеся шаги. Как отмечает в этой связи научный сотрудник ИСЕАС – Института Юсоф Исхак Хонг Чжао, OBOR не является новой идеей, неожиданно озвученной Китаем [29, р. 6]. Её появлению предшествовал целый ряд предложений, мероприятий и соглашений с соседними странами по вопросам торговли, инвестиций и инфраструктурного развития. С этой точки зрения «цель OBOR заключается в том, чтобы объединить эти различные инициативы в единый и всеобъемлющий шаблон, закладывающий грандиозную основу для облегчения международного сотрудничества» [28, р. 9].

Еще более настойчивые усилия в этом контексте предполагают семантическую и содержательную «очистку» Инициативы от ненужных коннотаций или нежелательных её интерпретаций. Во-первых, её авторы намеренно отказываются от представления этой идеи в качестве стратегии. Так, документ «Видение и Программа действий...» предлагает определять её исключительно как инициативу. В сентябре 2015 г. все три министерства, участвовавшие в подготовке этого документа, опубликовали специальное заявление о стандартизации английского перевода «Пояса и пути», в котором подчеркивается, что термин «инициатива» всегда должен использоваться в единственном числе, а такие понятия, как «стратегия», «проект», «программа» или «повестка», не должны применяться для её описания.

Поясняя эту позицию, профессор Университета международных исследований в Пекине Се Тао указывает на ряд принципиальных различий между «инициативой» и «стратегией». Инициатива, по его мнению, означает просто призыв к действию, обычно во имя общественного блага. Это односторонний шаг, который требует добровольного сотрудничества со стороны других, заинтересованных в обеспечении общественного блага. Стратегия, в отличие от этого, представляет собой преднамеренный план действий, направленный на достижение конкретных целей, которые обычно являются эксклюзивными, и требует тесной ассоциации среди тех, кто разделяет эти цели. «Кроме того, стратегия может слишком сильно смахивать на геополитические амбиции, а Пекин совершенно ясно дает понять, что «Пояс и путь» является видением «гармонии, мира и процветания», а не геополитическим заговором. Другими словами, – говорит Се Тао, – его не следует рассматривать как китайскую схему противодействия «перебалансировке» США в Азию или расширения геополитического влияния Пекина на Евразийском континенте и за его пределами» [26].

Столь же категорично на официальном уровне Пекин выступает против интерпретации ОВОР как «китайского Плана Маршалла». С такой идеей в 2009 г. выступил бывший заместитель директора Государственной налоговой службы КНР Сюй Панда, указавший на возможность преодоления проблем в китайском экспорте посредством стимулирования внутреннего спроса в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки с помощью крупномасштабных правительственных зарубежных инвестиций и займов. Его поддержал известный китайский экономист Линь Ифу, настаивавший на необходимости реализации «нового Плана Маршалла» для преодоления ограничений экономического роста в развивающихся странах за счет увеличения инвестиций в инфраструктуру по всему миру. Ряд других китайских экспертов отмечал, что «новый План Маршалла» сможет поддержать устойчивое экономическое развитие Китая благодаря сокращению валютных резервов за счет иностранных инвестиций, загрузки избыточных производственных мощностей и содействия интернационализации юаня [10].

Однако вскоре министр иностранных дел КНР Ван И в ответ на популяризацию сравнений инициативы «Пояса и пути» с Планом Маршалла, предполагающих, что Китай укрепляет экономические связи с соседними странами с целью получения геополитических выгод и преследует интересы собственной безопасности, возразил, что «сравнение одного с другим было бы похоже на сравнение яблок и апельсинов». По его мнению, китайская инициатива является более древней и одновременно более молодой. «Она старше, поскольку ... воплощает дух древнего Великого Шелкового пути, история которого насчитывает более 2000 лет и который использовался народами многих стран для дружественного обмена и коммерции». В то же время «инициатива «Пояса и пути» моложе, потому что она рождена в эпоху глобализации. Это продукт инклюзивного сотрудничества, а не инструмент геополитики, и его нельзя рассматривать с устаревшим менталитетом времен холодной войны» [3]. Развивая эту точку зрения, китайские эксперты обнаружили целый ряд принципиальных отличий, подтверждающих несопоставимость двух проектов. Некоторое внешнее сходство, обусловленное тем, что крупномасштабные инвестиции в инфраструктурную связанность будут стимулировать экономическое развитие Китая и его партнеров, а также объективно способствовать интеграции в регионе, считает Цзинь Линь, создает основания для некоторых параллелей с Планом Маршалла и его ролью в возрождении европейской экономики. Это также объясняет позицию некоторых китайских ученых, выступающих за выполнение «китайского Плана Маршалла» [10]. Однако различий между ними гораздо больше, и они более существенны.

Одно из них – различие в контексте. Если План Маршалла разрабатывался и осуществлялся в ситуации биполярного противостояния, то инициатива ОВОР сталкивается с гораздо более сложной международной обстановкой, когда углубляющаяся взаимозависимость мировой системы делает устойчивое экономическое развитие одной страны неотделимым от развития других стран [10]. Таким образом, План Маршалла, предполагавший сдерживание коммунизма и СССР, способствовал разделению мира. Инициатива, напротив, ориен-

тируется на укрепление региональной связанности на основе «открытого сотрудничества» и не стремится к разделению партнеров по каким-либо уровням [17]. Далее, План Маршалла предназначался только Западной Европе и в конечном счете был нацелен на обеспечение ведущей роли США в делах Европы. Это гарантировалось как введением особых условий для получения в его рамках помощи, так и созданием специальных институциональных механизмов. Инициатива же, планирующая охват почти всего земного шара и соединение четырех континентов, не предполагает создания новых институциональных структур, основываясь на уже существующих механизмах сотрудничества в соответствии с приоритетами и реальными условиями потенциальных участников. Такая опора на уже действующие механизмы является, полагает Цзинь Линь, отражением прагматичного уважительного отношения Китая к региональному саморазвитию. Наконец, План Маршалла являлся довольно простой по своему содержанию программой помощи, тогда как инициатива представляет собой комплексную систематизированную программу действий, охватывающую широкий спектр сфер деятельности, включая торговлю, инвестиции, финансы, развитие коммуникационных и человеческих ресурсов [20, p. 176]. Она, таким образом, является не программой помощи, как это было в случае Плана Маршалла, а, скорее, формой взаимовыгодного сотрудничества в рамках «юг – юг», в котором Китай выступает инициатором, а не доминантой [10].

Признавая важность «мягкой силы» как средства, помогающего Китаю улучшить его «всестороннюю мощь» и реализовать его национальные цели, китайские лидеры, как правило, исходят из утилитарной трактовки целей культивирования «мягкой силы». К числу этих целей относится содействие в повышении международного престижа Китая и уменьшении недопонимания, ошибочного восприятия, враждебной критики его внешнеполитических шагов и инициатив. Продвигая OBOR, Китай исходит из важности коммуникаций и диалога для успешного осуществления этой инициативы и из необходимости выстраивания соответствующего дискурса, позволяющего нейтрализовать ущерб со стороны ошибочных, с его точки зрения, интерпретаций и возможных негативных коннотаций. Усилия, связанные с аранжировкой и продвижением этого, одного из самых ярких внешнеполитических проектов Китая последнего времени представляют полезный материал для понимания особенностей практического использования дискурсивной силы, одного из относительно мало исследованных инструментов в арсенале «мягкой силы» Китая.

Список литературы

1. *Bondaz A.* China's Foreign Policy: Prioritising the Neighbourhood / A. Bondaz // *China Analysis*. – 2015. – Special Issue. April. – P. 1–15.
2. *Casarini N.* The Role of Think Tanks in China [Electronic resource] / N. Casarini. – URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/division_ecran/ecran_is37_paper_33_the_role_of_think_tanks_in_china_nicola_casarini_en.pdf (mode of access: 23.05.2017). – (Europe-China Research and Advice Network (ECRAN). Short Term Policy Brief 33).
3. Foreign Minister Wang Yi Meets the Press [Electronic resource]. – URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1243662.shtml (mode of access: 23.05.2017).

4. *Gan Junxian*. China' New Silk Road: Where Does it Lead? / Gan Junxian, Mao Yan // *Asian Perspective*. – 2016. – Vol. 40, N 1. – P. 105–130.
5. *Geun Lee*. A Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy / Geun Lee // *Korean Journal of Defense Analysis*. – 2009. – Vol. 21, Issue 2. – P. 205–218.
6. *Fallon F.* The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia / F. Fallon // *American Foreign Policy Interests*. – 2015. – N 37. – P. 140–147.
7. *Ghiassy R.* The Silk Road Economic Belt. Considering Security Implications and EU–China Cooperation Prospects / R. Ghiassy, Jiayi Zhou. – Stockholm International Peace Research Institute, 2017. – 59 p.
8. *Gustafsson K.* Is China's Discursive Power Increasing? The «Power of the Past» in Sino-Japanese Relations / K. Gustafsson // *Asian Perspective*. – 2014. – Vol. 38, N 3. – P. 411–433.
9. *Huang Yiping*. Keys to the «Belt and Road» Strategy Succeeding [Electronic resource] / Huang Yiping. – URL: <http://english.caixin.com/2015-02-11/100783371.html> (mode of access: 23.05.2017).
10. *Jin Ling*. The «New Silk Road» Initiative: China's Marshall Plan? / Jin Ling // *China International Studies*. – 2015. – January/February. – P. 70–83.
11. *Junhua Zhang*. What's Driving China's One Belt, One Road Initiative? [Electronic resource] / Junhua Zhang. – URL: <http://www.eastasiaforum.org/2016/09/02/whats-driving-chinas-one-belt-one-road-initiative/> (mode of access: 23.05.2017).
12. *Kurlantzick J.* Charm Offensive: How China's «Soft Power» Is Transforming the World / J. Kurlantzick. – New Haven : Yale University Press, 2007. – 306 p.
13. *Liu Li-juan*. The Belt and Road Initiative Working Towards a Global Vision / Liu Li-juan // *Journalism and Mass Communication*. – 2016. – Vol. 6, N 2. – P. 60–66.
14. *Liu Zhenmin*. Insisting on Win-Win Cooperation and Forging the Asian Community of Common Destiny Together / Liu Zhenmin // *China International Studies*. – 2014. – April. – P. 5–25.
15. New Silk Road Ministerial. Fact Sheet [Electronic resource]. – Washington, DC : U.S. Department of State, 2011. – URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/09/173765.htm> (mode of access: 23.05.2017).
16. *Rothmans S. B.* Revising the Soft Power Concept: What Are the Means and Mechanisms of Soft Power? / S. B. Rothmans // *Journal of Political Power*. – 2011. – Vol. 4, N 1. – P. 49–64.
17. *Shen D.* China's One Belt One Road Strategy Is Not Another Marshall Plan [Electronic resource] / Shen Dengli. – URL: <http://www.chinausfocus.com/finance-economy/china-advances-its-one-belt-one-roadstrategy/#sthash.pUM52stQ.dpuf> (mode of access: 23.05.2017).
18. Soft Power, a New Focus at China's «Two Sessions» (03/14/07) [Electronic resource]. – URL: www.china-embassy.org/eng/xw/t303537.htm (mode of access: 23.05.2017).
19. *Szczudlik-Tatar J.* Soft Power in Chinese International Relation Theory: Some Aspects of the Chinese Debate on Soft Power / J. Szczudlik-Tatar // *ASIEN. The German Journal on Contemporary Asia*. – 2012. – N 125, October. – P. 62–77.
20. *Teshu Singh*. China's One Belt One Road (OBOR) Initiative: Tracking the Progress / Teshu Singh // *China's Transition under Xi Jinping* / ed. Jagannath P. Panda. – New Delhi : Institute for Defence Studies and Analyses, 2016. – 427 p.
21. *Van D.* Discourse and Power / Van Dijk, A. Teun. – Houndmills, UK : Palgrave Macmillan, 2008. – 256 p.
22. *Wey-Shen Siow M.* Chinese Domestic Debates on Soft Power and Public Diplomacy / M. Wey-Shen Siow // *Asia Pacific Bulletin*. – 2010. – N 86, 7 December.

23. *Willy Wo-Lap Lam*. «One Belt One Road» Enhances Xi Jinping's Control Over the Economy / Willy Wo-Lap Lam // *China Brief*. – 2015. – May 15. – Issue 10.

24. *Xi J.* On the Governance of China / J. Xi. – Beijing : Foreign Languages Press, 2014. – 515 p.

25. *Xi J.* Full text of address by president Xi Jinping of China at the inauguration ceremony of the Asian Infrastructure Investment Bank / J. Xi. – Xinhua. – 2016. – 16 January.

26. *Xie Tao*. Is China's «Belt and Road» a Strategy? When is a Strategy Not a Strategy? [Electronic resource] / Tao Xie. – URL: <http://thediplomat.com/2015/12/is-chinas-belt-and-road-a-strategy/> (mode of access: 23.05.2017).

27. *Yan X.* The Path for China to Increase its «Soft Power» [Electronic resource] / Yan Xuetong. – URL: <http://www.thinkinchina.asia/wp-content/uploads/3ThePathforChinaToIncreaseitsSoftPower.pdf> (mode of access: 23.05.2017).

28. *Zhang Yunling*. One Belt, One Road: A Chinese View / Yunling Zhang // *Global Asia*. – 2015. – Vol. 10, N 3. – P. 8–12.

29. *Zhao Hong*. China's One Belt One Road : An Overview of the Debate / Hong Zhao // *Trends in Southeast Asia*. – 2016. – N 6. – P. 1–33.

Discourse Power in China's Foreign Policy: Interpretations and Promotion of the «One Belt – One Road» Initiative

S. K. Pestsov

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS

Abstract. The “One Belt – One Road Initiative” initiative (OBOR) proposed by China has apparently become one of the most significant international projects of recent times. The possibility of its successful implementation, as they believe in China, is largely determined not only by establishing public communication, but also by the need to build an appropriate discourse that will neutralize the damage from erroneous interpretations and possible negative connotations. Accordingly, efforts to arrange and promote OBOR, being one of the most ambitious foreign China projects today, prove to be useful to understand practicality of using discursive power being a poorly studied instrument in the arsenal of China's soft power.

Keywords: soft power, discourse power, regionalism, regional policy, China, strategy.

Пестцов Сергей Константинович

*доктор политических наук, заведующий,
отдел международных отношений
и региональной безопасности, Центр
азиатско-тихоокеанских исследований
Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89
тел.: 8 (423)2220507
e-mail: skpfox@mail.ru*

Pestsov Sergey Konstantinovich

*Doctor of Sciences (Political), Head
of the Department of International Relations
and Regional Security, Center for Asian and
Pacific Studies
Institute of History, Archeology
and Ethnography of the Peoples of the
Far East FEB RAS
89, Pushkinskaya st., Vladivostok 690001
tel.: 8(423)2220507
e-mail: skpfox@mail.ru*